

На правах рукописи

ТРУНИН Михаил Владимирович

**ЛИТЕРАТУРНАЯ РЕПУТАЦИЯ М. Н. ЛОНГИНОВА:
1850-е — 1870-е годы**

Специальность 10. 01. 01 — русская литература

**Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук**

Москва — 2010

Работа выполнена на кафедре истории русской литературы филологического факультета Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова

Научный руководитель: доктор филологических наук, профессор
Илюшин Александр Анатольевич

Официальные оппоненты: доктор филологических наук
Пильщиков Игорь Алексеевич,
ведущий научный сотрудник
Института мировой культуры МГУ
имени М. В. Ломоносова

кандидат филологических наук
Велижев Михаил Брониславович,
директор Центра прикладных гуманитарных исследований факультета государственного управления Академии народного хозяйства при Правительстве РФ

Ведущая организация: Институт русской литературы
(Пушкинский Дом) РАН

Защита состоится «24» ноября 2010 года в 15.00 часов на заседании диссертационного совета Д 501.001.26 при Московском государственном университете имени М. В. Ломоносова по адресу: 119991 Москва, ГСП-1, Ленинские горы, МГУ, 1-й корпус гуманитарных факультетов, филологический факультет.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова.

Автореферат разослан «___» октября 2010 года

Ученый секретарь диссертационного совета,
кандидат филологических наук, доцент

А. Б. Криницын

Общая характеристика работы

Актуальность темы и степень научной разработки проблемы. Настоящая работа посвящена анализу литературной репутации Михаила Николаевича Лонгинова (1823—1875), истории ее формирования и эволюции в 1850-е—1870-е гг. Многообразная деятельность Лонгинова — поэта, беллетриста, историка литературы, библиографа, высокопоставленного чиновника — давно привлекла к себе исследовательское внимание, однако до сих пор не становилась объектом детального историко-литературного изучения.

Творческое наследие Лонгинова было осознано как представляющее несомненную научную ценность уже в середине 1910-х гг., когда под редакцией П. К. Симони было начато многотомное собрание сочинений. Первые четыре тома предполагалось посвятить историко-литературным трудам Лонгинова, пятый предназначался для републикации монографии «Новиков и московские мартинисты». Издание должен был сопровождать «биографический очерк Лонгинова и обзор его *литературной, научной, общественной и служебной деятельности*»¹, запланированный для второго тома. Однако, ввиду разных обстоятельств, в свет вышел только первый том задуманного собрания (М., 1915) — источник, до сих пор представляющий научное значение.

Из программы издания очевидно, что П. К. Симони планировал всестороннее изучение личности и творчества Лонгинова, но в более поздних своих работах исследователь сосредоточился на его библиографических трудах. Лонгинову-библиографу был посвящен специальный доклад Симони на заседании Ленинградского общества библиофилов (1926), в дискуссии по которому председатель общества М. Н. Куфаев указал на «громадное значение

---

¹ От издателя (подпись — *Л. Бухгейм*) // Сочинения Михаила Николаевича Лонгинова. Т. 1 (1850—1859). С. X—XI. Курсив мой — *М. Т.*

М. Н. Лонгинова не только в истории русской библиофилии и библиографии, но и в истории русской литературы»².

В то же время, в середине 1910-х—1920-е гг., началось осмысление литературных отношений Лонгинова, его места в кругу ведущих писателей 1850-х—1860-х гг. Творческие интересы Лонгинова начала 1850-х гг. стали предметом комментария Н. Л. Бродского (1917), опубликовавшего сатирическую поэму «Поп», авторство которой приписывалось Лонгинову, но которая, как доказал исследователь, была произведением И. С. Тургенева³. В научный оборот были также введены содержательная переписка Лонгинова с Тургеневым (20 писем, 1856–1872), его корреспонденция с Н. А. Некрасовым и И. И. Панаевым (26 писем, 1854–1859)⁴. Значение переписки Лонгинова было высоко оценено публикаторами: «В ней можно почерпнуть много ценных и любопытных сведений и сообщений; кроме того, она вводит нас в обстановку и атмосферу литературных кругов 50-х и 60-х годов»⁵. Однако уже в этих работах была заметна исследовательская тенденция, которая затем проявлялась все четче: наследие Лонгинова и его литературные связи изучались в той степени, в которой они могли пролить свет на факты творческой биографии писателей первого ряда — прежде всего Тургенева и Некрасова.

Не случайно первый опыт построения творческой биографии Лонгинова был предпринят в связи с публикацией пьесы Некрасова «Как убить вечер?» (1867). К. И. Чуковский показал, что прототипом образа Миши Некрасову послужил именно Лонгинов, жизненный путь которого был описан по следующей схеме: молодой человек круга «Современника» в 1850-е гг., имевший талант выразительно и громко читать стихи, «самые заглавия <ко-

---

² РНБ. Ф. 76 (Биснек А. Г.). № 65. Ленинградское общество библиофилов. Протоколы (1—51) общих собраний 1923—1927 гг. (машинопись). Л. 332 об.

³ См.: *Тургенев И. С.* Поп. Поэма. Предисл. и примеч. *Н. Л. Бродского*. М.: Издание Л. Э. Бухгейма, 1917.

⁴ *Шахматова С. А.* Переписка Тургенева с М. Н. Лонгиновым // Сборник Пушкинского Дома на 1923 год. Пг., 1922. С. 137–212; *Яковлев Н. В.* Письма И. И. Панаева к М. Н. Лонгинову // Там же. С. 213–232. *Яковлев Н.* Некрасов, Панаев и Лонгинов // Некрасов. По неизданным материалам Пушкинского дома. Пг., 1922. С. 227–241.

⁵ *Шахматова С. А.* Указ. соч. С. 139.

торых> неприличны⁶» — успешный карьерист, резко разошедшийся с «молодежью» в 1860-е — озлобленный и жестокий угнетатель печати в 1870-е.

Намеченная в статье Чуковского трактовка эволюции взглядов Лонгинова, опиравшаяся во многом на мемуары современников (А. Я. Панаева, В. Р. Зотов, Д. В. Григорович, А. М. Скабичевский), получила развитие в позднейшем советском литературоведении. Важно отметить, что основой выстраиваемой концепции была деятельность Лонгинова последних лет, негативно оцененная не только представителями противоположного литературного лагеря, но и прежним дружеским кругом. Показательна в этом отношении ценная по материалу публикация П. Н. Беркова, напечатавшего речь Лонгинова «О значении, которое должно иметь Общество любителей российской словесности в современной литературе» и своего рода автокомментарий к ней — письмо к А. М. Жемчужникову (оба — 1863). В этом выступлении Лонгинова Берков видел явное проявление его враждебного отношения к просвещению уже в 1860-е гг.: «По существу Лонгинов всегда был реакционером <...>, и это закрепило за ним и среди современников и в потомстве вполне основательную репутацию лютейшего обскуранта»⁷.

Подобная интерпретация литературной личности Лонгинова постепенно канонизировалась в обобщающих работах по истории литературы 1860—1870-х гг., а также в комментариях к собраниям сочинений писателей первого ряда — современников Лонгинова. Неудивительно при этом, что в 1950-е—1980-е гг. интерес к деятельности «лютейшего обскуранта» был минимален и возникал только в связи с комментаторскими задачами. Так, работая над комментарием к стихотворению Некрасова «Литературная травля», Л. М. Равич и М. Д. Эльзон обратились к истории литературных отношений

---

⁶ Некрасов Н. А. Тонкий человек и другие неизданные произведения. Собрал и пояснил К. Чуковский. М., 1928. С. 272.

⁷ М. Н. Лонгинов в 60-х годах. Сообщение П. Беркова // Литературное наследство. Т. 22—24. М.: Журнально-газетное объединение, 1935. С. 737.

Лонгинова 1860-х гг., показав, что именно он был главным объектом «Литературной травли», а не Геннади, как считалось до этого⁸.

Пересмотр направления исследовательских интересов применительно к Лонгинову произошел только в начале 1990-х гг., когда стало возможным ввести в научный оборот «потаенную» часть литературного наследия Лонгинова, пользовавшегося еще у современников славой «писателя не для дам». Основные скабрёзно-бурлескные тексты Лонгинова (поэма «Еще „Руслан и Людмила“», баллада «Свадьба поэта») были опубликованы — с подробной вступительной статьей и комментариями — А. М. Ранчиным⁹, который впоследствии напечатал и еще одну обценно-порнографическую поэму Лонгинова «Бордельный мальчик»¹⁰. А. М. Ранчину также принадлежит и наиболее основательная историко-литературная биография литератора¹¹, которая, однако, в силу своей энциклопедической краткости, не может быть признана исчерпывающим описанием жизни и деятельности Лонгинова.

Вслед за Ранчиным попытка жизнеописания Лонгинова была предпринята Л. М. Равич¹², стремившейся избежать как крайностей советских интерпретаторов фигуры Лонгинова, видевших в нем лишь «обскуранта», так и трактовки новейших исследователей, интересовавшихся преимущественно обценным, «потаенным» творчеством Лонгинова. В содержательной работе Равич была намечена проблема, остро стоящая применительно к биографии и литературной деятельности Лонгинова, — проблема построения его объективной литературной биографии, которая учитывала бы как литературные взгляды и идеи самого Лонгинова, так и специфику его позиции в контексте общественной и литературной жизни 1850-х—1870-х гг., его дружеские и

---

⁸ См.: Равич Л. М., Эльзон М. Д. О стихотворении Некрасова «Литературная травля» // Некрасовский сборник VI. Л.: Наука, 1978. С. 40—51.

⁹ Под сению кулис и под кровлею борделя («Писатель не для дам» М. Н. Лонгинов). Публикация А. М. Ранчина // Лица 2. Биографический альманах. М.—СПб., 1993. С. 389—456.

¹⁰ Стихи не для дам: Русская нецензурная поэзия второй половины XIX века. Изд. подготовили А. Ранчин и Н. Сапов. М.: Ладомир, 1994. С. 55—59.

¹¹ Русские писатели. 1800—1917. Т. 3. М., 1994. С. 386—389.

¹² См.: Равич Л. М. Михаил Лонгинов, библиофил и ученый // Книга: Исследования и материалы. М.: Терра, 1996. Вып. 72. С. 160—197.

журнальные связи, его литературную репутацию. Необходимость подобного специального исследования фигуры Лонгинова и обуславливает **актуальность настоящей работы.**

Предмет исследования — история формирования литературной репутации Лонгинова, понимаемой в диссертации как комплекс представлений о писателе и его творчестве, которые сложились в рамках литературной системы и свойственны значительной части ее участников. При этом восприятие современниками литературной личности Лонгинова необходимо оценивать в соотношении с теми задачами, которые ставил перед собой сам литератор, то есть с его литературной позицией. Это обуславливает наше внимание как к собственному творчеству Лонгинова, его литературному поведению, так и к их восприятию и интерпретации в актуальном контексте.

Источниками работы послужили, в первую очередь, сочинения самого Лонгинова: не привлекавшая исследовательского внимания повесть «Широкая натура», стихотворения и поэмы (в том числе бурлескные); критические работы, журнальные публикации, письма и т. д., а также многочисленные произведения описываемой и предшествующей ей литературных эпох, очерчивающие, по возможности, максимально полный культурно-идеологический контекст. Для установления истории литературных отношений Лонгинова привлекаются архивные документы, в том числе ряд неопубликованных писем. Библиографические и историко-литературные разыскания Лонгинова выбираются для анализа только в случае, если они помогают прояснить его литературную позицию и репутацию. По этой же причине самый известный труд Лонгинова «Новиков и московские мартинисты» остался за пределами диссертации.

Объект изучения — творческое наследие Лонгинова, рассмотренное в связи с эволюцией его взглядов и оценкой его литературной деятельности современниками. В работе предпринимается попытка проследить становление литературной репутации Лонгинова, не ограничиваясь анализом отдельных аспектов его деятельности как библиографа, губернатора, цензора, а об-

ратив внимание на его идейно-интеллектуальную эволюцию, рассмотренную в широком контексте эпохи. Контекст этот — прежде всего журнальный, ведь крупнейшие фигуры эпохи 1850-х — 1870-х годов — не только писатели, но и журналисты, критики, мемуаристы, биографы, библиографы. О роли публицистики в это время, о журнале как особой литературной форме и журнальной деятельности как особом важном роде занятий в литературном процессе много и основательно писали В. Е. Евгеньев-Максимов, Ю. М. Лотман, Б. Ф. Егоров, Б. В. Мельгунов, В. К. Кантор, А. Л. Осповат и в своих недавних книгах А. И. Рейтблат, Г. В. Зыкова и М. С. Макеев. Необходимо сказать, что в задачи исследования не входила регистрация всех возможных отзывов о Лонгинове и их анализ; к рассмотрению привлекаются те суждения современников, которые оказались наиболее влиятельными для последующего восприятия фигуры Лонгинова: с одной стороны, это отклики на его деятельность в среде ближайших литературных друзей, с другой — та репутация, которую Лонгинову создали его идейные противники — сотрудники радикальных изданий 1860-х годов.

Научная новизна исследования состоит в том, что в диссертации впервые предпринята попытка детальной и последовательной реконструкции литературной репутации Лонгинова 1850-х — 1870-х годов как феномена, во многом определившего дальнейшее восприятие (в том числе и научное) изучаемого автора. В дополнение к этому, к рассмотрению предлагается материал, ранее не привлекавшийся исследователями в качестве контекста, значимого как для творчества Лонгинова, так и для описания литературной ситуации 1850-х — 1870-х годов в целом.

В основе **методологических принципов работы** лежит традиционный историко-литературный подход. Творчество Лонгинова рассматривается как часть системной истории литературы данного периода и исследуется в контексте литературного процесса эпохи и эстетических принципов, актуальных в это время. Для контекстного описания литературной деятельности Лонгинова мы используем понятие «литературная репутация», введенное

И. Н. Розановым¹³, затем разрабатывавшееся в классических работах Ю. Н. Тынянова и Б. М. Эйхенбаума, а впоследствии — в трудах Л. Я. Гинзбург, Ю. М. Лотмана и др. В работах Тынянова сформулировано понятие «литературной личности», которое затем существенно расширил Эйхенбаум: «Бывают, наконец, моменты, когда вместо литературы остается только знак ее и вопрос „как писать“ заслоняется вопросом „как быть писателем“»¹⁴. В этом смысле любая деятельность литератора правомочна в рамках литературной системы, и Лонгинов — чиновник особых поручений при московском генерал-губернаторе, впоследствии сам губернатор в Орле, а затем руководитель цензуры — остается для исследователя в первую очередь литератором. При этом важно указать, что «литературная личность» как результат восприятия современниками, как правило, значительно упрощает, а зачастую и вовсе искажает как собственно литературный, так и биографический облик автора, порой оказывая влияние не только на массовые представления о нем, но и становясь основой для научных изысканий. Поэтому, с точки зрения общей теории культуры, нам ближе всего установка Клиффорда Гирца, нашедшая свое выражение в его книге «Интерпретация культур»¹⁵. Поиску глубинных универсалий предпочитается «насыщенное описание» («thick description»). В этом смысле, сама культура понимается как контекст, который необходимо изучать, чтобы достичь понимания.

Цель исследования — анализ и реконструкция формирования литературной репутации Лонгинова на протяжении нескольких этапов его биографии, ограниченных заданным временным периодом. Поставленная цель определяет ряд **задач**, решаемых в работе:

— описать специфику литературной репутации Лонгинова на каждом хронологическом этапе его деятельности;

---

¹³ См.: *Розанов И.* Литературные репутации. М.: Советский писатель, 1990. Первое изд.: М.: Никитинские субботники, 1928.

¹⁴ *Эйхенбаум Б. М.* Мой современник // *Он же.* «Мой современник»... Художественная проза и избранные статьи 20—30-х годов. СПб.: Инапресс, 2001. С. 71.

¹⁵ *Geertz Clifford.* The interpretation of Cultures. Selected essays. New York: Basic Books, 2000.

— определить и проанализировать литературную позицию Лонгинова, его взгляды на литературный процесс, обусловившие его журнальную и общественную деятельность;

— выявить ключевые эпизоды, оказавшие влияние на складывание литературной репутации Лонгинова, изменение его оценок современниками — как среди дружеского круга, так и в среде его литературных противников;

— проанализировать динамику литературной репутации исследуемого автора (рассмотреть изменения, которым она подвергалась на различных этапах его литературной биографии и в различных литературных ситуациях).

Решение этих задач последовательно осуществляется применительно к различным этапам жизненного и творческого пути Лонгинова, которые составили **хронологические рамки** работы. Формирование репутации Лонгинова связано с его литературной и общественной деятельностью и подразделяется на три важных периода: Лонгинов в кругу «Современника» в 1850-е; Лонгинов — секретарь Общества любителей российской словесности в первой половине 1860-х; Лонгинов на важных государственных постах во второй половине 1860-х — первой половине 1870-х. **Структура диссертации** отражает намеченную рубрикацию: работа состоит из введения, трех глав, в свою очередь разбитых на тематические разделы, заключения и списка использованных источников и литературы.

Научно-практическая значимость исследования выражается в применимости его результатов в работах по истории русской литературы середины XIX века и по теории культуры, а также для разработки лекционных курсов и спецкурсов, посвященных литературной ситуации середины XIX века, жизни и творчеству Лонгинова и близких к нему писателей первого ряда, таких как А. В. Дружинин, Н. А. Некрасов, И. С. Тургенев, А. А. Фет и др.

На защиту выносятся следующие положения:

— Сложившаяся традиция восприятия роли и места М. Н. Лонгинова в литературном процессе зачастую прямо выводится из его литературной репутации, а потому требует если не полного пересмотра, то существенного

уточнения на основе как вновь открытых, так и давно известных, но заново проинтерпретированных источников и фактов.

— В 1850-е годы репутацию Лонгинова составляют его связи с кругом «Современника», общему интересу участников которого к пушкинской эпохе отвечают и библиографические увлечения Лонгинова, и его опыты в неподцензурной поэзии.

— Поворотным моментом в становлении литературной репутации Лонгинова в 1860-е годы становится его деятельность в Обществе любителей российской словесности, защищая которое от претензий со стороны Литературного фонда, Лонгинов высказал ряд принципиальных суждений против профессионализации литературной деятельности. Однако оппонентами подобная позиция была воспринята как реакционная.

— Не изменив своих эстетических и идеологических позиций в 1870-е годы, Лонгинов в еще большей степени оказался противопоставлен практически всей современной ему литературе. При этом его «рenegатство» связано не с изменением политической конъюнктуры или человеческой психологии, а с динамикой самой литературной ситуации.

Апробация результатов. Изложенные в диссертации идеи нашли отражение в публикациях, а также докладах и сообщениях автора на: 10-й международной конференции молодых филологов в Таллине (Эстония) 21—23 февраля 2008 года; 2-й международной конференции молодых филологов «Русская литература в европейском контексте» в Варшаве (Польша) 3—5 апреля 2008 года; заседании Аспирантского объединения на кафедре истории русской литературы филологического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова 22 января 2009 года; собрании Русского Академического общества в Таллинском университете (Эстония) 21 апреля 2010 года.

Основное содержание работы

Во **Введении** дано обоснование актуальности темы, описана разработанность проблемы, классифицированы источники исследования, определены его предмет, объект и хронологические рамки, научная значимость работы, изложены методологические основы и структура диссертации.

В **Первой главе «Формирование литературной репутации Лонгинова в 1850-е годы: в кругу „Современника“»** анализируются отношения Лонгинова с литераторами журнала Некрасова и Панаева в 1850-е годы, ставшие основанием для формирования литературной репутации исследуемого автора.

В **первом разделе («Лонгинов и концепция „Современника“ начала 1850-х годов»)** рассматриваются отношения Лонгинова с ведущими деятелями «Современника» и его место в ряду членов журнального круга. Лонгинов, еще в студенческие годы познакомившийся с Д. В. Григоровичем и И. С. Тургеневым, во второй половине 1840-х годов сблизился с Н. А. Некрасовым, А. В. Дружининым, И. И. Панаевым. Обстоятельства знакомства Лонгинова с кругом «Современника» и внутрижурнальные литературные отношения — за отсутствием прямых свидетельств — реконструируются на основе мемуаров А. Я. Панаевой и А. А. Фета.

Как и многих других участников журнала, Лонгинова, начавшего печататься в «Современнике» с конца 1848 года, отличала поливалентность и разноплановость литературных интересов: он выступал одним из соавторов «Современных заметок» в отделе «Смесь», был книжным и театральным рецензентом, затем пробовал себя на поприще беллетриста, а впоследствии стал постоянным автором рубрики «Библиографические записки». Такая многоаспектность литературной деятельности была востребована на первых порах издания журнала Некрасова — Панаева и, очевидно, обеспечила Лонгинову существенную роль в этом кругу. С другой стороны, общность поддерживалась не только сугубо профессионально-литературными интересами,

но и кружковым общением, литературным выражением которого стало неподцензурное творчество Лонгинова и его ближайших друзей по «Современнику».

Во втором разделе (*«От повести „Широкая натура“ к „Библиографическим запискам“: официальное амплу Лонгинова»*) анализируется беллетристическое произведение, опубликованное в восьмом номере «Современника» за 1851 год. Это повесть с водевильным сюжетом из жизни театралов. Несмотря на то, что в герои своего произведения Лонгинов выбирает не дворника, будочника или бедного чиновника (как это традиционно делали представители «натуральной школы»), его повесть необходимо рассматривать именно на фоне «второстепенной» беллетристики «Современника». В основе сюжета повести Лонгинова — анекдот о театрале, влюбленном в балетную танцовщицу, который из-за неудачного знака внимания, ей адресованного, был вынужден жениться на другой девушке. Анализируя стиль беллетристики конца 1840-х — начала 1850-х годов, В. В. Виноградов утверждал, что роль анекдота в качестве источника сюжета в это время должна быть признана такой же важной, как традиционно принятое представление о «натуральной школе» как о «физиологическом» направлении в литературе: «В половине 40-х годов вражды между этими течениями нет»¹⁶. Это подтверждается обнаруженными связями повести «Широкая натура» с двумя рассказами, входящими в цикл «Рассказы о житейских глупостях», — «Княжна Нелли» А. В. Дружинина и «Часы» Д. В. Григоровича, появившимися в первом и втором номерах «Современника» за 1850 год (повесть Лонгинова датирована июлем 1850 года).

По всей видимости, беллетристический опыт не оправдал ожиданий Лонгинова, и он сделал выбор в пользу другого журнального амплу — библиографа. Одну из первых заметок «Четыре стихотворения Пушкина, не попавшие в Полное собрание его сочинений» Лонгинов печатает в четвертом

---

¹⁶ Виноградов В. В. Гоголь и «натуральная школа» // *Он же*. Избранные труды. Поэтика русской литературы. М.: Наука, 1976. С. 225.

номере «Современника» в том же 1851 году. Впоследствии Лонгинову выделяется в журнале целая рубрика под названием «Библиографические записки», которую он продолжает вести даже после своего переезда в Москву (лето 1854 года). Библиофильство Лонгинова связано с концепцией «Современника», о которой говорится в первом разделе главы: польза историко-литературных трудов и библиографических изысканий для нее очевидна (позже и левым публицистам, пришедшим в «Современник» в 1860-е, и советским исследователям такая деятельность будет представляться лишь бессмысленным антикварством). Пристрастие Лонгинова к библиографии связано с его общественной и литературной позицией в 1850-е. Учитывая тот факт, что Лонгинов никогда не был профессиональным литератором, для которого журналистская деятельность — коммерческое предприятие или источник дохода, важность его литературных занятий получает обоснование в сфере идеологии. Другой стороной этого процесса оказывается интерес Лонгинова к бурлеску и понимание скабрёзной поэзии прежде всего как вольной (ср. знаменитые стихи, приписываемые Лонгинову: «Я их в цензуру не отдам, а напечатаю в Карлсруэ», где немецкий город рифмуется с предположным падежом обценного существительного).

Разбору некоторых «чернокнижных» опытов Лонгинова посвящен **третий раздел («„Для чернокнижных вдохновений“: неофициальное амплуа Лонгинова»)**. Из опытов Лонгинова в обценной поэзии сохранились два текста: нецензурная поэма «Бордельный мальчик» и пародийная баллада «Свадьба поэта», опубликованные А. М. Ранчиным. О том, что таких текстов было гораздо больше, говорит известное коллективное «Послание к Лонгинову», написанное в 1854 году Тургеневым, Некрасовым и Дружининым. В первой части послания друзья перечисляют основные достижения адресата, покинувшего Петербург: вслед за стихом «Того, кем Егунов был стерт с лица земли», намекающего на усердие Лонгинова по библиографической части (Егунов также сотрудничал в библиографическом отделе «Современника»), перечисляются основные успехи на почве «чернокнижной словесности».

Основной текст, ставший предметом для разбора, — баллада Лонгинова «Свадьба поэта» (начало 1853 года), бурлескно-сатирически изображающая свадьбу Н. В. Кукольника и метящая в его литературных приспешников, в особенности Ф. В. Булгарина. Стихотворение написано урегулированно-разностопным ямбом с чередованием 4-стопных мужских и 3-стопных женских стихов. Такой размер Г. О. Винокур назвал «пародическим балладным стихом» — им написаны «Громобой» и «Певец во стане русских воинов» В. А. Жуковского, пародия К. Н. Батюшкова и А. Е. Измайлова «Певец, или Певцы в Беседе Славено-Россов», а также «Пирующие студенты», «Мечтатель» и «Тень Баркова» молодого А. С. Пушкина. Пародийная тематика текста Лонгинова заставляет особенно сближать его с «Певцом» Батюшкова — Измайлова и «Тенью Баркова». Показательно в этом отношении, что «Свадьба поэта» демонстрирует наибольшую ритмическую близость именно к этим произведениям, что подкрепляется также лексико-синтаксическими и семантическими перекличками пародии Лонгинова с теми же «Певцом» и «Тенью», а также другими пушкинскими сочинениями. Обращение Лонгинова-поэта к жанру пародийной баллады и ее ярким образцам начала XIX века связано с разысканиями Лонгинова-библиографа и историка литературы. Именно в 1850-е Лонгинов активно занимается изучением полемики «Арзамаса» и «Беседы...», публикует в «Современнике» с ней связанные материалы, в том числе «Певца в Беседе Славено-Россов». Перед нами яркий пример того, как Лонгинов соединяет свои актуальные литературные интересы и направление историко-литературных исследований, востребованных в «Современнике». Важным в непристойной балладе Лонгинова оказывается и актуальный литературно-полемический контекст — выведенные в сатире Н. В. Кукольник и Ф. В. Булгарин и в 1850-е годы изрядно раздражали компанию «Современника».

В четвертом разделе («Лонгинов в фельетонах 1850-х годов») рассматриваются тексты других, дружественных Лонгинову, авторов, в которых отразились черты его литературной репутации 1850-х годов. Это «Заметки

петербургского туриста» Дружинина (1855—1863), где черты Лонгинова обнаруживаются в образе одного из приятелей Ивана Чернокнижникова — профессора Антропофагова (что ранее не было замечено исследователями). Дружинин делает акцент, с одной стороны, на то, что Антропофагов — ученый, занимающийся древними славянскими рукописями, а с другой — что он главный эксперт по «пиронизму» в поэзии. Также рассматриваются фельетон Панаева — Нового поэта «Петербургский литературный промышленник» (направленный против Краевского, 1857) и мемуарная повесть того же автора «Внук русского миллионера» (1858), где о Лонгинове говорится как о добром малом, «своем человеке», занимающемся историей русской журналистики.

Вся совокупность проведенных разысканий указывает на то, что репутация Лонгинова как, с одной стороны, знатока истории литературы, а с другой — писателя «не для дам», складывается именно в 1850-е годы в кругу его петербургских друзей и говорит о том, что в его деятельности того времени отражаются важные интересы этого круга.

Во **Второй** главе *«Репутация Лонгинова — секретаря Общества любителей российской словесности в первой половине 1860-х годов»* рассматривается литературная и библиографическая деятельность Лонгинова в качестве секретаря Общества любителей российской словесности при Московском университете и восприятие этой деятельности молодым поколением «шестидесятников».

В первом разделе (*«Лонгинов в противостоянии Литературного фонда и Общества любителей российской словесности»*) реконструируется история отношений Лонгинова с названными писательскими организациями. Во время жизни в Москве Лонгинов продолжает свои библиографические штудии, однако постепенно начинает публиковать их не в петербургских, а в московских изданиях («Русском вестнике», «Московских ведомостях», «Молве» и др.). Лонгинову удалось найти в Москве свою «нишу» для библиографических и библиофильских интересов — в мае 1858 года проходит первое после двадцатилетнего перерыва заседание Общества люби-

телей российской словесности (ОЛРС), секретарем которого вскоре становится Лонгинов. При этом практически в то же время он принимает участие в учреждении Общества для пособия нуждающимся литераторам и ученым (Литературный фонд) в Петербурге. Сравнение деятельности двух писательских и ученых объединений оказывается не только яркой иллюстрацией литературного противостояния Москвы и Петербурга, но и проясняет важные особенности формирования литературной репутации Лонгинова в 1860-е годы.

ОЛРС в 1860-е годы было главным московским славянофильским объединением¹⁷. Однако Лонгинов, войдя в этот круг, не теряет связи со своими петербургскими друзьями и впоследствии принимает участие в делах Литературного фонда на раннем этапе его функционирования. Однако почти одновременно с организацией благотворительной литературной акции в Москве Лонгинову — уже как секретарю ОЛРС — пришлось объясняться на тему собственного отношения к помощи нуждающимся: в начале 1860 года при обсуждении проблемы борьбы с писательской бедностью в печати разразился скандал, ярко иллюстрирующий степень антагонизма московских и петербургских литераторов.

Писатель И. В. Селиванов в конце января 1860 года предложил ОЛРС устроить в Москве литературные чтения для сбора средств в пользу только что основанного в Петербурге Литературного фонда. Московское Общество категорически отвергло это предложение, мотивировав отказ тем, что это дело не литературно-ученой организации и устройством благотворительной литературной акции должно заняться самому Литфонду. Селиванов решил вступить в открытую полемику в «Московских ведомостях». На полемические выпады Селиванова отвечал Лонгинов. После газетной перепалки Селиванов в знак протеста вышел из ОЛРС, а в петербургских журналах стали появляться статьи, выражающие негодование в адрес московских славянофилов

---

¹⁷ Современная исследовательница прямо называет период его существования с 1858 по 1877 годы «славянофильским». См.: *Клеймёнова Р. Н.* Общество любителей российской словесности 1811—1930. М.: Academia, 2002.

и проводящие сравнение между Литфондом и ОЛРС, явно не в пользу последнего. Авторами издевательских фельетонов и стихов были или молодые писатели-разночинцы, пришедшие в литературу в 1860-е годы (А. П. Сниткин, В. С. Курочкин, Д. Д. Минаев), или близкие к ним радикалы (Н. В. Шелгунов). Они воспринимали Лонгинова как одного из славянофилов, перебежавшего из Петербурга в Москву, и направляли свою сатиру на ОЛРС в целом.

И лишь петербуржцам, с которыми Лонгинов был близок до своего переезда в Москву, обстоятельства полемики виделись в ином ракурсе. Новый поэт (очевидно, Панаев вместе с Некрасовым¹⁸), издеваясь над ОЛРС в пятом номере «Современника» за 1860 год, значительную часть своего фельетона посвящает описанию вымышленного литературного вечера у графа Хвостова, секретарем на котором является «г. Л*» «в богатом китайском костюме с шариками наверху». Это говорит о том, что петербургская литературная компания, из которой вышел Лонгинов, решительно отличала его от остальных членов ОЛРС. Более наглядно это можно увидеть на примере заметки Дружинина (напомним, основателя Литературного фонда и близкого друга Лонгинова) в «Библиотеке для чтения», касающейся разразившейся полемики, где о Лонгинове говорится отдельно, а также в дружининском фельетоне «Благотворительность особого рода (Из заметок Петербургского Туриста)», опубликованном в «Искре» в качестве письма к ее редакторам. Дружинин утверждает, что отношение Лонгинова к писательской благотворительности несколько сложнее, чем это представляют себе полемизирующие с ним «шестидесятники».

После скандала с Селивановым Лонгинов не спешит рвать с Литфондом, потому что отрицает не благотворительность как таковую, а своего рода литературный паразитизм. Суть состоит в отношении к просвещению и в связи с ним — к писательскому труду. Как это воспринималось в Литфонде,

---

¹⁸ Коллективное авторство фельетона, о котором идет речь, убедительно показано Б. В. Мельгуновым. См.: *Мельгунов Б. В. Некрасов-журналист (Малоизученные аспекты проблемы)*. Л.: Наука, 1989. С. 139—140.

недавно объяснил М. С. Макеев в своей статье об А. А. Фете¹⁹. При основании благотворительной организации Дружининым четко декларировалось предпочтение заслуженных писателей перед молодыми («просвещение в высоком смысле», об этом и его фельетон «Благотворительность особого рода»), однако совсем скоро Литфонд стал выдавать пособия и незначительным литераторам, что напрямую связано с пониманием просвещения как массового явления, требующего увеличения писательского штата. Такое понимание литературы было неприемлемо не только для Фета, но и для Лонгинова. Наука и литература для него — прерогатива талантливых энтузиастов, а не деятельность, способная прокормить любого. Лонгинов в полемике призывает не смешивать высокое просвещение с массовым, поэтому учено-литературное ОЛРС не уполномочено от своего имени помогать нуждающимся литераторам. В качестве яркой иллюстрации такой общественно-литературной позиции разбирается речь Лонгинова «О деятельности литературных обществ и в особенности Общества любителей российской словесности за последнее трехлетие», читанная в публичном заседании 4 февраля 1862 года, которая дает понять, что за оценкой Лонгиновым литературной деятельности как высокого призвания стоит нечто большее, чем просто поддержка московского ОЛРС в противостоянии с петербургским Литературным фондом. И, как представляется, именно отсюда начинается репутация Лонгинова как «обскуранта» и «реакционера».

Прояснению этой репутации и истории ее становления посвящен **второй раздел («Библиограф как крохобор и реакционер»)**. Конфликт 1860-го года работал на ухудшение репутации Лонгинова, и вскоре в петербургской радикальной печати начинают появляться стихи, статьи и фельетоны, изображающие библиографа как никому не нужного антиквара. Таково появившееся в начале 1861 года в «Свистке» стихотворение Некрасова «Литератур-

---

¹⁹ См.: Макеев М. С. «Литературное насекомое» или «честный бедняк сочинитель»? О причинах выхода А. А. Фета из Литературного фонда // *Русская литература*. 2009 № 4. С. 106–115. Ср. там же рассуждения о том, что организации, подобные Литературному фонду, возникают не как следствие деятельности определенной группы людей, они представляют собой отражение глубоких общих процессов, происходящих в литературе.

ная травля», направленное, как показали Равич и Эльзон, главным образом против Лонгинова. Вообще, начиная с 1861 года Лонгинов становится одной из излюбленных мишеней для «Свистка»: это хорошо видно на примере сатирических текстов того же Некрасова, а также Н. А. Добролюбова, Н. Г. Чернышевского, М. Е. Салтыкова-Щедрина и др., опубликованных в указанном издании.

Сам Лонгинов в это время не перестает заниматься библиографией, а с основанием П. И. Бартеневым журнала «Русский архив» в 1863 году становится одним из главных его авторов (в общей сложности Лонгинов опубликовал там более 70 статей). Для прояснения его литературной и общественной позиции в отношении радикалов-«шестидесятников» разбирается статья Лонгинова «Белинский и его лже-ученики» (Русский вестник 1861 № 6), а также знаменитая речь «О значении, которое должно иметь Общество любителей российской словесности в современной литературе» (читанная 3 марта 1863 г.) и письмо Лонгинова к А. М. Жемчужникову от 1—2 марта 1863 г. (своего рода автокомментарий).

В завершение главы в качестве характерной иллюстрации расхождения во взглядах между Лонгиновым и петербургским кругом, объединившимся вокруг Некрасова, сопоставляются воспоминания о Дружинине, по иронии судьбы оказавшиеся под одной обложкой в его посмертном собрании сочинений (СПб., 1867), написанные Лонгиновым и Некрасовым.

Участие в деятельности ОЛРС во многом определило репутацию Лонгинова, и его «сложная» литературная позиция стала восприниматься основными литературными деятелями этого времени как реакционная.

Третья глава диссертации *«Репутация Лонгинова на важных государственных постах в конце 1860-х — первой половине 1870-х»* посвящена литературной деятельности и репутации Лонгинова в бытность его губернатором в Орле, а затем начальником Главного управления по делам печати.

В первом разделе (*«Лонгинов и Фет: проблема бедности и литературного призвания»*) говорится об отношениях Фета (постоянного жителя

Мценского уезда Орловской губернии) и Лонгинова (губернатора в Орле). Как уже отмечалось в первом разделе второй главы, этих литераторов сближало их отношение к бедности писателя или ученого. Безусловно, человеческая бедность в обоих литераторах вызвала сочувствие. В начале 1868 года в связи с голодом в Орловской губернии губернатор Лонгинов решает организовать благотворительные литературные чтения, куда, в частности, приглашает и Фета (в архиве Лонгинова в ИРЛИ сохранилось письмо Фета к нему об этом). По неизвестным причинам эти чтения не состоялись. Однако, как нам известно из воспоминаний поэта, состоялись другие чтения — их в Москве в том же 1868 году организовал Фет в пользу голодающих своего участка. Затем собранные деньги поэт-хозяин потребовал давать нуждающимся крестьянам в долг, полагая, что безвозмездное пособие лишь будет способствовать их нежеланию трудиться.

Так оказывается, что для Фета и Лонгинова бедность писателя или ученого — это во многом знак того, что для добычи средств к существованию человеку должно заняться чем-то другим, более доходным. Фет занимался сельским хозяйством, Лонгинов никогда не оставлял государственной службы, а литературную деятельность считал увлечением и публиковал свои статьи безвозмездно. Оба писателя официально покинули Литературный фонд в 1868 году (дата устанавливается на основании сохранившихся в РГАЛИ отношений из Литфонда на имя Лонгинова и Фета, на обороте которых помещены их категорические отказы от членства). Для Фета и Лонгинова подлинное «высокое просвещение» — своего рода штучный товар. Об этом же орловский губернатор весьма выразительно пишет М. П. Погодину через полгода после выхода из Литфонда: письмо касается стипендий, получаемых студентами, однако смысл его несомненно шире и ярко выражается финальной сентенцией: «Что лучше: качество или количество»²⁰. Такое своеобразное «диссидентство» (термин М. С. Макеева применительно к позиции Фета в отношении Литфонда) Лонгинова носило фундаментальный характер и

---

²⁰ РГБ. Ф. 231 (М. П. Погодин). К. 30. №. 32. Л. 2 об.

имело глубокие корни и серьезные последствия, сказавшиеся и на его дальнейшей литературной репутации. И если за Фетом к концу 1860-х годов уже закрепилась слава большого поэта, то Лонгинову не оставалось ничего, как снискать репутацию «библиографа-гробокопателя», «обскуранта и реакционера», в молодости балагурившего и баловавшегося стихами сомнительного содержания.

О дальнейшем становлении этой репутации говорится во **втором разделе** («*Ех-автор „Попа Пухатия“*»). Припоминать Лонгинову «грехи» его петербургской юности стали именно во время, когда он занял видные государственные посты. Некрасов, много рефлексировавший над проблемой своего поколения — «людей сороковых годов» — в ранней редакции комедии «Медвежья охота» (под названием «Как убить вечер?», 1867) создает образ Миши, сходство которого с Лонгиновым очевидно. Это блестящий карьерист, увлекающийся библиографией, сочинивший в молодости несколько непристойных стихотворений — «„Отец Савватий“, „Свадьба“, „Мильгофер“». С переводом Лонгинова из Орла в Петербург и получением им места начальника российской цензуры такого рода репутация крепнет. Д. Д. Минаев, в 1860-е трунивший над библиографическими занятиями Лонгинова, в 1870-е издевается над прошлыми увлечениями руководителя цензуры: «За что ж накладывать на нас / Ты любишь цензорскую лапу? / За то ль, что новый наш Парнас / Не служит более Приапу?»²¹. Можно сказать, что сама ситуация — автор obscenно-порнографических стихов во главе цензуры — была предметом даже большего возмущения в литературных кругах, чем непосредственные меры, предпринятые Лонгиновым на указанном посту, хотя за три года его управления запрет был наложен на 30 книг. «Славу» же Лонгинова составил анекдот о запрещении сочинения Ч. Дарвина, послуживший поводом к хорошо известному «Посланию к М. Н. Лонгинову о дарвинизме» А. К. Толстого.

---

²¹ *Поэты «Искры»*. Вступ. статьи, сост., подг. текста и прим. И. Г. Ямпольского. Л.: Советский писатель, 1987. Т. 1. С. 144.

В третьем разделе («*„Со всей ехидностью ренегата“*: Лонгинов как главный прототип образа Калломейцева в романе И. С. Тургенева „*Новь*“») разбирается эпизод поздней литературной репутации Лонгинова, на который исследователи ранее не обращали внимания. Парадоксальным образом в 1870-е Тургенев оказался одним из самых недовольных назначением Лонгинова на пост начальника Главного управления по делам печати: в переписке писатель прямо называет своего бывшего приятеля «ренегатом» и «мерзавцем», имя Лонгинова оказывается замешанным в истории конфликта между Тургеневым и Фетом в конце 1874 года, повлекшего за собой разрыв отношений.

На ранних стадиях замысла «Нови» Лонгинов должен был прямо упоминаться в связи с Калломейцевым, однако в окончательном тексте романа нет прямых упоминаний о Лонгинове, а «Колломейцев» (первый вариант написания фамилии персонажа в подготовительных материалах именно такой) «раздваивается» на собственно Калломейцева и неожиданно возникшего Ladislav'a, появление которого в романе связано со скандалом вокруг Б. М. Маркевича. Множество переключек между романом и перепиской Тургенева дает возможность выявить те характеристики Калломейцева, в которых сказались черты именно Лонгинова. Оказывается, что прямые упоминания о нем, которые должны были сопровождать Калломейцева согласно ранним планам романа, в окончательном тексте оказались заменены намеками на фигуру Лонгинова или неявными, но настойчивыми отсылками к его биографии. Это позволяет говорить о Лонгинове как главном прототипе означенного романного образа. В то же время Маркевича Тургенев делает исключительно узнаваемым в образе Ladislav'a. Такое авторское решение, принятое, судя по черновикам, в начале 1875 г., было обусловлено не только скандалом с Маркевичем, но и смертью самого Лонгинова (23 января ст. ст. 1875 г.). Его уход из жизни, несмотря на всю циничность реакции Тургенева в письмах, заставил писателя пересмотреть замысел фигуры «старого» «Кол-

ломейцева», да и прямой сатирический выпад против старого «приятеля» своей непосредственной цели все равно бы уже не достиг.

В **Заключении** подводятся итоги работы и намечаются перспективы дальнейшего исследования поставленных проблем.

Сложившаяся литературная репутация Лонгинова оказала существенное влияние на дальнейшее восприятие его фигуры, в том числе в историко-литературной науке; при этом поздняя репутация «рenegата» и «обскуранта», бывшего в молодости «писателем не для дам», явно затмевает собой славу дотошного библиографа. Однако наиболее интересной в историко-литературном отношении представляется не репутация сама по себе, а ее эволюция, которую мы прослеживаем в настоящей работе.

В 1850-е годы репутацию Лонгинова определяют его личные, литературные и идейные связи с кругом «Современника», в котором Лонгинов реализует себя как литератор, работающий одновременно в разных жанрах и журнальных сферах. Не вполне удачный опыт беллетристики, ориентированной на физиологический очерк, с одной стороны, и светскую повесть, с другой, приводит Лонгинова к библиографическим штудиям. Интерес Лонгинова к предшествующим литературным эпохам отвечает общей установке на изучение литературы «золотого века», к которому обращаются многие участники «Современника» того времени (Анненков, Гаевский, Тургенев и др.). С интересом к пушкинской эпохе и увлечением кружковой неподцензурной поэзией связаны поэтические опыты Лонгинова 1850-х годов («Бордельный мальчик», «Свадьба Поэта» и др.). Таким образом, в 1850-е годы в деятельности Лонгинова явно отражаются принципиальные интересы круга «Современника».

Определяющей для литературной репутации Лонгинова в 1860-е годы становится его деятельность в ОЛРС. В полемике 1860 года о целесообразности помощи нуждающимся литераторам со стороны литературных организаций Лонгинов отстаивает позиции, принесшие ему славу человека, не сочувствующего делу объединения писателей под эгидой Литфонда, близкого к

узкому московскому славянофильскому кружку. В действительности, позиция Лонгинова в отношении писательской благотворительности имела идейные основания, оставшиеся не замеченными его оппонентами-радикалами. Лонгинов выступал против обмельчания и профессионализации литературной деятельности, в которой видел высокое призвание, а не средство заработка. Однако в ситуации 1860-х годов подобная позиция была воспринята как реакционная, что не преминуло сказаться на репутации Лонгинова.

Оставаясь на тех же эстетических и идеологических позициях в 1870-е годы, Лонгинов в еще большей степени оказывается противопоставлен магистральному направлению в литературе и общественной жизни. Его деятельность на посту начальника Главного управления по делам печати вызывает резкие отклики как со стороны тех же петербургских радикалов (Д. Д. Минаев), так и прежних друзей и соратников по «Современнику» (Некрасов и особенно Тургенев), которые в своих суждениях о Лонгинове делают упор на его прошлое, выстраивая перспективу падения и «рenegатства» и задавая таким образом канву для последующих биографов и исследователей. При этом, как нам удалось показать, «рenegатство» Лонгинова связано с его литературной репутацией и должно объясняться не изменениями его личности, а динамикой литературной ситуации 1850-х — 1870-х годов, главным элементом которой является профессионализация писательской деятельности.

Основные положения диссертационной работы отражены в следующих публикациях:

1. «Со всей ехидностью рenegата», или М. Н. Лонгинов как главный прототип образа Калломейцева в романе И. С. Тургенева «Новь» // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 2010. № 4. С. 92—100 (0,5 а. л.).

2. «Что лучше, качество или количество?»: М. Н. Лонгинов в противостоянии Литературного фонда и Общества любителей российской

словесности // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 2011. № 1. *В печати* (0,9 а. л.).

3. Из истории «пародического» балладного стиха: «Ее он маменькой зовет» (М. Н. Лонгинов «Свадьба поэта») // Русская литература в европейском контексте II. Сборник научных работ молодых филологов. Варшава: Instytut Rusycystyki Uniwersytetu Warszawskiego, 2009. С. 75—85 (0,45 а. л.).

4. Переписка А. А. Фета с М. Н. Лонгиновым (1857—1871) // А. А. Фет. Материалы и исследования I. М.—СПб.: Альянс-Архео (Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН), 2010. С. 212—235 (1,5 а. л.).

5. Повесть М. Н. Лонгинова «Широкая натура» и концепция «Современника» начала 1850-х годов // Studia Slavica X. Сборник научных трудов молодых филологов. Таллин: TLÜ Kirjastus, 2011. *В печати* (0,45 а. л.).